

Чэнь Фэнцзэ, обладавший острым зрением, прочитал строки: «...Цзян Хуай, за избиение и запугивание одноклассников, нарушение правил школы, подвергается дисциплинарному взысканию с предупреждением и занесением выговора в личное дело, объявляется общешкольный выговор; в случае повторного нарушения — отчисление». Подписано в июне, перед летними каникулами, во втором семестре первого года старшей школы. Это было объявление о взыскании Цзян Хуая. О причине знала вся школа. И поскольку это был приказ о наказании Цзян Хуая, имя пострадавшего Суна Цзюня, разумеется, в нем не упоминалось.

Бо Цзянь опустил ресницы, провел пальцем по бумаге.

— Чэнь Фэнцзэ, ты знаешь Суна Цзюня?

Чэнь Фэнцзэ опешил.

— Суна Цзюня?

Бо Цзянь промолчал.

— Ты про того Суна Цзюня, который перевелся в Четвертую школу? — спросил Чэнь Фэнцзэ.

Омег было мало — во всей школе, на трех старших курсах, их набиралось лишь триста-четыреста человек, так что большинство Омег знали друг друга в лицо, особенно в пределах одной параллели. Как Альфа с девушкой, Чэнь Фэнцзэ, конечно, не был знаком с Суном, но его девушка Ян Чэнь знала его.

— Я слышал о нем от Ян Чэнь... А что? — спросил Чэнь Фэнцзэ. — Почему ты вдруг о Суне Цзюне вспомнил?

— Да так, — легко усмехнулся Бо Цзянь. — Просто интересно, Цзян Хуай правда за ним приударял?

Чэнь Фэнцзэ усмехнулся.

— Да брось, какое там «приударял»? Это же было покушение на жизнь. — Он произнес это с явным интересом. — Если Цзян Хуай и правда был влюблен в Суна Цзюня, то тому, кто ему приглянется, можно только посочувствовать — не повезло так не повезло.

— Почему ты так говоришь?

Сплетни и школьные пересуды, если они не требовали вмешательства студенческого совета, председателя Бо не интересовали в принципе. Так что неудивительно, что Бо Цзянь не слышал ни одной из ходивших по школе версий этой истории.

Было только начало второго, до уроков еще далеко, и Чэнь Фэнцзэ, подойдя к делу с дотошностью исследователя, рассказал самую правдоподобную версию:

— Все началось с того, что Сун Цзюнь сам пошел к учителям. Он явился к заведующему курсом... Я как раз был в кабинете завуча, там же была и классная руководительница Цзян Хуая. Сун Цзюнь рыдал и говорил, что Цзян Хуай заявил, что пометит его, а когда он отказался, Цзян Хуай за месяц избил его дважды...

Бо Цзянь издал горлом смешок.

Чэнь Фэнцзэ поднял бровь.

— Чему ты смеешься? Я серьезно! Сун Цзюнь действительно был избит Цзян Хуаем. Я запомнил, как он пришел в кабинет: все лицо в крови, сплошные синяки.

— А потом Цзян Хуаю вызвали в кабинет завуча для разбирательства. — Чэнь Фэнцзэ тоже не удержался от смешка. — Помнишь Лю Юйсю? Мать Лю Чана, ту, что вечно орала на учеников в коридорах на первом курсе, жуткую старую каргу? Она была классной руководительницей Цзян Хуая.

Бо Цзянь хмыкнул.

— По-моему, Цзян Хуай сказал только два слова: «период восприимчивости», — продолжал Чэнь Фэнцзэ. — Лю Юйсю полчаса орала на него в кабинете завуча. Настоящая шумовая атака. Я уже ушел, а она все еще не закончила...

Он поднял палец, изменил голос, подражая интонациям Лю Юйсю:

— Врешь! Опять врешь! Какой еще период восприимчивости?! У тебя он, что, два раза в месяц?!

Бо Цзянь остался бесстрастным. Он медленно убрал приказ о взыскании обратно в конверт из крафтовой бумаги.

— И чем все кончилось?

Чэнь Фэнцзэ и сам почувствовал, что его пародия на Лю Юйсю вышла слишком шумной, отпил воды и переспросил:

— Что кончилось?

— Почему в итоге Сун Цзюнь перевелся?

— Этого я точно не знаю, версий ходило много. — Чэнь Фэнцзэ пожал плечами. — Но тому, чего не видел своими глазами, я обычно не верю.

— Ладно, скажи любую из них.

Чэнь Фэнцзэ с присущей ему дотошностью задумался и сказал:

— Самая распространенная версия такая: после того как Сун Цзюнь сходил к учителям, Цзян Хуай избил его снова, стащил с него штаны и чуть не поставил пожизненную метку. Вот тогда дело и раздулось, Сун Цзюнь даже не сдал экзамены и перевелся.

Бо Цзянь поднял глаза:

— Покушение на изнасилование — и всего лишь выговор?

Чэнь Фэнцзэ усмехнулся.

— Потому что ни того, как Сун Цзюня избили, ни того, как с него стащили штаны, ни того, что Цзян Хуай собирался его пометить... никто не видел. Свидетелей не было. — Он сделал паузу.

— Это произошло в мужском туалете, а там камер нет.

Услышав «в мужском туалете», Бо Цзянь дрогнул веками, но лишь тихо произнес:

— Вот как.

— Камер в мужском туалете не было, но то, что Сун Цзюня снова избили, — факт, это было видно невооруженным глазом. А вот по поводу покушения на изнасилование прямых улик не было — только видео с камеры в коридоре... — Чэнь Фэнцзэ запнулся. Он состоял в дисциплинарном комитете школы и прекрасно знал, как тогда выносилось наказание. — Я видел эту запись. Цзян Хуай вышвырнул Суна Цзюня из мужского туалета прямо в коридор... И штанов на Суне действительно не было.

Штаны сняли, но вышвырнули-то его в коридор... Разве так поступают, когда хотят кого-то пометить? Трахаться в коридоре, специально перед камерами? Но Сун Цзюнь упорно стоял на своем: Цзян Хуай хотел его пометить. Убедительно это звучало или нет, он твердил: «Он хотел пометить меня и еще унижить». Родители Суна Цзюня тоже приходили в школу требовать разбирательств... Приходили ли родители Цзян Хуая, Чэнь Фэнцзэ не знал — он их ни разу не видел.

Он лишь видел, как в кабинете заместителя директора собрались завуч, заведующий учебной частью, завуч по воспитательной работе, классная руководительница, Сун Цзюнь, его отец и его мать — они заполнили всю комнату. И еще там был Цзян Хуай.

— Тогда дело ведь получило большую огласку, — сказал Чэнь Фэнцзэ. — Школьное начальство, учителя, родители Суна Цзюня — человек десять, как на судебном заседании.

Бо Цзянь промолчал, достал телефон и отправил несколько сообщений.

Чэнь Фэнцзэ развел руками.

— Но я всего лишь проходил мимо, о чем там шла речь, не знаю... Впрочем, полагаю, Цзян Хуай тоже стоял на своем: прямых улик не было, так что в итоге дело квалифицировали как избиение и запугивание одноклассника.

Бо Цзянь постучал пальцем по телефону и повернул экран к Чэнь Фэнцзэ:

— Это Сун Цзюнь?

На экране была фотография на документы какого-то парня. Сразу было видно, что он еще совсем молодой: круглое, почти детское лицо, даже уголки глаз округлые, вид совершенно безобидный. Одна из самых типичных внешностей Омеги.

Чэнь Фэнцзэ вглядывался две-три секунды.

— А... да, он. На фото даже симпатичнее, чем в жизни.

Бо Цзянь повернул телефон к себе, бросил рассеянный взгляд:

— У Цзян Хуая безвкусный выбор.

Чэнь Фэнцзэ не сразу понял, имел ли Бо Цзянь в виду внешность Суна Цзюня или его характер. Решил, что все-таки характер.

— Я с ним почти не общался. А вот Ян Чэнь на первом курсе часто говорила, что Сун Цзюнь — человек так себе. — Чэнь Фэнцзэ пожал плечами и вдруг вспомнил кое-что еще. — А, кстати, та девушка, которая часто приходила к Цзян Хуаю... Ни Ли. Она с моей девушкой и с Суном

Цзюнем в первом классе в одном классе училась.

Цзян Хуай вернулся в класс вместе с Вэй Хэпином. Времени было еще много, в классе почти никого. Цзян Хуай заметил, что место за ним тоже пусто. Он подошел, сел и подумал: председатель-то не настолько слабонервный, чтобы после того, как отсосал, сломаться и прогулять школу? Проглотил ведь — не выкачивать же теперь.

Он выдвинул стул, привалился к спинке и достал телефон. Пропущенные: неизвестный номер, Вэй Хэпин, старина Цинь. Цзян Хуай запомнил первые четыре цифры неизвестного номера... это был Линь Фэй. Он провел пальцем по экрану, удаляя запись, как будто ничего не случилось, и набрал Цинь Юйхэ. В Англии сейчас только пять утра — значит, Цинь Юйхэ звонил ему в третьем часу ночи. Сейчас одиннадцать с лишним утра, и даже если бы Цзян Хуай не сбежал с урока, на занятиях он все равно не взял бы трубку. Чего старина Цинь думает вообще?

Но, к его удивлению, после десятка секунд гудков тот ответил. Вэй Хэпин ушел в туалет, в классе больше никого не было. Цзян Хуай включил громкую связь, положил телефон на парту и лениво откинулся на спинку стула.

— Сынок, по какому делу к отцу?

На том конце снова повисла пауза, потом Цинь Юйхэ заговорил — голос у него был заметно хриплый.

— Бля, я уже уснул, а ты только сейчас перезваниваешь.

— Ты сам-то мне среди ночи звонил, забыл? — напомнил Цзян Хуай.

Цинь Юйхэ снова замолчал — видимо, так толком и не проснулся.

Цзян Хуай потерял терпение.

— Говори давай, не тяни.

— Нет, погоди, дай вспомнить, зачем я тебе звонил... — протянул Цинь Юйхэ. — А, вспомнил... В этом году у нас каникулы рано, я уже в конце ноября вернусь в Китай.

— О, — тоном, лишенным какого-либо дружеского участия, отозвался Цзян Хуай. — Два месяца. Это же еще не скоро?

<http://bllate.org/book/18377/1766507>